

УДК 811.111

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА ПАКЕХА В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

© 2011 г.

О.В. Николаева

Дальневосточный федеральный университет

onikolaeva2009@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2010

Рассмотрены исторические корни формирования концептуальной картины мира пакеха в Новой Зеландии. Аксиологические особенности картины мира пакеха показаны на фоне ценностных ориентаций маори. Исследование выполнено на материале новозеландского английского и полинезийского языка маори.

Ключевые слова: картина мира, аксиологический ряд, пакеха, маори, Новая Зеландия.

Слово *пакеха* впервые стали использовать в Новой Зеландии в XIX веке для обозначения европейских переселенцев, преимущественно британского происхождения (2, с. 204). Причиной его возникновения стало возрастающее число европейских колонистов, увеличение контактов между ними и коренным населением маори и необходимость, прежде всего, для самих маори описательного обозначения европейцев в сравнении с собой. Поэтому и происхождение этого слова считают, хотя и не до конца выясненным, но однозначно маорийским. Предположительно оно произошло от лексемы *pakepakeha* со значением *mythical light-skinned being* [7, с. 169], в котором прослеживаются ассоциации с мифологическими образами маори. По мнению Дж. Ренфорда, слово связано с именами *Paakehakeha* – в маорийской мифологии бог океана, имеющий форму человека-рыбы, и *Raturaiarehe* – существо со светлой кожей и волосами, которое открыло людям секрет ловли рыбы сетями [14]. Такое объяснение акцентирует связь между пакеха и образом океана, что, возможно, мифологически отражает исторический факт прибытия европейцев в страну по океану. Кроме того, отмечают, что и более ранние языковые обозначения *tangata tipua* и *tangata tuhua*, которыми коренное население называло еще Джеймса Кука и его экипаж [7, с. 169], были связаны с идеей о сверхъестественном существе *a goblin or a supernatural object of terror* [14]. В языке маори оба слова *tipua* и *tuhua* имеют значение *demon, foreigner, object of terror* [19; 22]. Другой ранний термин, использовавшийся на юге страны, *tangata pora* [7, с. 169] также подчеркивал связь незнакомцев с океаном, поскольку *pora* – большое каноэ и одновременно чуже-

странец – *large sea-going canoe, foreign, stranger* [19; 22].

Однако позже слово пакеха вытеснило ранние обозначения и к 1830 году вошло в широкое употребление среди маори, при этом в литературе нет никаких свидетельств о том, что данный термин нес отрицательную коннотацию. В маорийской версии Договора Вайтанги (1840), заключенного между вождями племен и королевой Британии, слово пакеха используется как обозначение подданных Ее Величества королевы Виктории в Новой Зеландии, не маори: «The Treaty employed the term “Pakeha” to refer to Queen’s Victoria’s non-Maori subjects in New Zealand” [7, с. 168]. Сегодня это слово употребляется как обобщающее наименование европейцев, родившихся в Новой Зеландии [5, с. 69]. С другой стороны, оно подразумевает культурное своеобразие новозеландцев европейского происхождения, их уникальный исторический опыт освоения страны и тем самым, подчеркивает отличие между пакеха и европейцами [15, с. 36].

Лидирующее положение пакеха по сравнению с маори стало очевидным после Договора Вайтанги. Уже к 1870 году количество европейцев превышало число коренных жителей в шесть раз [5, с. 37], а к 1881 году – почти в десять раз [7, с. 169]. Узаконивание Договором евроцентрической культуры одновременно обеспечило и доминирование в Новой Зеландии с самых ранних времен концептуальной картины мира пакеха.

В ходе исследования было выяснено, что концептуальная картина мира пакеха сформировалась под влиянием трех взаимодействующих ценностных рядов: во-первых, ценностного ряда, указывающего на определенный цивилизационный тип, во-вторых, ценностей государ-

ственно-территориальной идентификации, в третьих, ценностей, возникших в процессе взаимодействия с локальной, местной культурной средой. Совмещение данных аксиологических рядов в картине мира пакеха вылилось в их иерархию. Во главе ценностных ориентиров концептуальной картины мира пакеха изначально стоят западноевропейские личностные ценности, ниже следует британская модель построения общества и государства. В основании – специфическая новозеландская экосистема в самом широком смысле (не только климат, флора, фауна и ландшафт, но и в целом – все материальное и духовное окружение).

Так, картина мира пакеха воплощает в себе систему личностных ценностей, присущих западной цивилизации, прежде всего, рационализма, разделения сознания и тела, аналитического восприятия себя и мира, индивидуализма и способности выжить одному. Европейские ценностные доминанты картины мира пакеха более отчетливо видны при сравнении с ценностями восточно-полинезийской культуры маори: “For one thing the *western ideal of the isolable individual as a free agent is antithetical to Maori social values. No person stands alone. Somewhere there is a group to which the person belongs, from which he/she derives a meaningful identity and without which there is no sense of wholeness. Similarly the soul and body remain integral in the consciousness of the Maori person*” [6].

Соответственно для маори, например, странным кажется описание, которое дают пакеха, передавая родственные отношения. Такое описание, как и сами термины родства, на их взгляд, отражают стремление к отделению себя от общества, установлению барьера между собой и другими членами общества. Председатель маорийской партии Пита Шарплес прокомментировал это так: “I am often puzzled when I hear Pakeha define members of their whanau [family] in way which seek to create a distance – to put up a barrier between themselves and another. A step-sister, a half brother, a cousin twice removed, my mother’s cousin. ... In our world, we welcome our sisters and brothers, our cousins, our aunties and uncles as whanau – whatever degree of separation a genealogy expert might describe it as” [20]. В языке маори одни и те же термины используются в качестве обозначений как прямой линии родства, так и *побочной* линии. Например, *Tirupa tane* означает *дедушка* и *двоюродный дедушка*, *Tirupa wahine* – *бабушка* и *двоюродная бабушка*, *Matua tane* – *отец* и *дядя*, *Whaea*, *whaene* – *мать* и *тетя*, *Tuakana* – *старшие братья мужчины* и *двоюродные братья*, *Mokoripa tane* – *внук* и *внучатый племянник*,

Tamaiti – *родной ребенок* и *племянник*, *Tamariki* – *дети* и *племянники* [22; 16, с. 149]. Исключения составляют отдельные дополнительные слова только для отца, матери и племянников. Однако в целом, этот принцип свидетельствует о том, что в семье не принято акцентировать различия между родственниками, устанавливать степень отдаленности родства, а, напротив, подчеркивается общность между людьми в их большой семье, включающей родственников прямых и побочных линий.

В молодую колонию европейские переселенцы привезли с собой идеи светскости, утилитаризма, технического прогресса, соперничества, автономности, эгоцентризма – все это стоит во главе иерархии ценностных ориентиров картины мира пакеха, что естественным образом в новых условиях порождает острое осознание различий между пакеха и коренным населением маори. Этот же аксиологический ряд фактически продублирован и исторически значимой для пакеха британской системой ценностей, что обусловило его доминирование в концептуальной картине мира пакеха.

Ценности государственно-территориальной идентификации пакеха продиктованы отождествлением себя с далекой исторической родиной – Британией. Наследие британской системы ценностных ориентиров в концептуальной картине мира пакеха наиболее убедительно объясняется тем, что первые пакеха были, несомненно, носителями британской картины мира соответствующего исторического периода, носителями английского языка с его сложившимся семантико-понятийным аппаратом. В новой среде именно этот аппарат служил когнитивной призмой, через которую осуществлялось познание новой реальности. Многие идеально-абстрактные сущности – концепты – попросту копировались из британской картины мира. Все, что необходимо было создать в новых условиях (государственные структуры, образовательная система, органы правопорядка, и позже даже правостороннее движение на улицах), воссоздавалось по британскому образу и подобию. То, что не укладывалось в когнитивно-понятийную систему, зафиксированную английским языком, получало в Новой Зеландии осмысление посредством сравнения с этой системой, вследствие чего возникали оппозиции типа “ordinary” – “exotic”. Обычное воспринималось по умолчанию, экзотическое сопровождалось определениями типа *Maori*, *New Zealand* или *native: Maori mistletoe, Maori onion, native bee, native rat, New Zealand pine, New Zealand cedar*. Эти определения зафиксировали все исконно новозеландское как необычное и отграничили

от родного, знакомого, нормального и обычного британского. Разумеется, дихотомия понятий “ordinary”– “exotic” была достаточно емкой и касалась самых разных аспектов жизни, поэтому в словаре новозеландского английского слова *native, Maori, New Zealand* обладают наиболее сильными фразообразующими возможностями, организуя собой в среднем по 25–30 узальных сочетаний, не говоря об окказиональных употреблениях.

Следует отметить, что в картине мира пакеха отчетливо фигурирует «британство» (Britishness) как особый вид ценности, обозначивший собой происхождение основного потока европейских переселенцев: “The dominant cultural identification at this time (1920) was still “British”, a continuing reflection of the fact, for more than 95 per cent of the non-Maori population, their countries of origin were *England, Scotland, Ireland and Wales*... Lord Jellicoe, the Governor-General, noted in 1924 that New Zealanders were “extremely proud” of their *British nationality*” [7, с. 366].

Проявления ценности «британство» в картине мира пакеха разнообразны, среди них, например, заслуживает внимания образ *Родины*. Каковы бы ни были причины, побудившие европейцев уехать почти на край земли (религиозные противоречия, бедность и невозможность достичь успеха в обремененном условностями обществе, стремление избежать наказания за преступление и т. д.), их картина мира в Новой Зеландии складывалась под влиянием британской модели общества и государства. Поэтому в картине мира пакеха образ Родины ассоциировался с Британией, которую называли *Mother country, Homeland, Mother Land, Mother Britain* или просто *Home*: “Many New Zealanders called England “Home” until after World War II. Such “nonsense” surprised and amused George Bernard Shaw when he visited in 1934” [9, с. 117–118]. Корабли, идущие в Британию, до последнего времени называли *home boats*: “Locals also referred to the ships that plied products and people between Britain and New Zealand as “Home boats” [9, с. 118].

«Британство» как ценность проявлялась также в особой преданности Британской Короне и участии в войнах за Британию. В 1899 году Новая Зеландия первая из колоний завилала о поддержке Британии в Южной Африке. Причиной войны было намерение Британии доминировать в этом регионе: “The fundamental cause of the war, as military historian John Crawford has noted, was “British determination to dominate South Africa” [7, с. 287]. В войне приняли участие 6495 новозеландцев, погибли 228. Вот, например, строки из стихов «Призыв к оружию»

A call to arms, напечатанные в газете *Otago Witness* в 1901 году:

Arise, ye stem of *British oak*,
And arm ye for the fray;
Across the deep our *mother spoke* –
She needs our help today.
Be others laggards if they will,
And shun a soldier’s grave,
Zelandia’s sons will answer still –
“We’re thine, to die or save!”
Our *fathers* loved the *dear Homeland*,
And we, their *sons* will try
To prove ourselves a worthy band
To aid *her* cause or die.

[13, с. 61]

В другой газете *Hawke’s Bay Herald* за 1900 год находим похожие строки из стихов *Speed New Zealand’s sons away* на ту же тему:

Local subjects, lend a hand;
Speed *New Zealand’s sons* away,
To serve the *Motherland*
And the *Empire’s* call obey.

[3, с. 4]

В обоих произведениях Британия названа Родиной (*mother, Motherland, dear Homeland*). Авторы не случайно прибегают к терминам родства «мать, сын, отцы» для достижения желаемого эффекта. Родина воспринимается как мать, нуждающаяся в помощи (*Across the deep our mother spoke – She needs our help today*), любимая отцами (*Our fathers loved the dear Homeland*), а новозеландцы – как сыны (*Zelandia’s sons, New Zealand’s sons*). Новая Зеландия, также, представлялась авторами стихов как надежный оплот Британии, сравнимый со стволом мощного Британского дуба (*stem of British oak*).

Интересно мнение маори по поводу так называемой *англофилии* пакеха [9, с. 139–140]: “*Pakeha of my generation ... “went home” to Great Britain ... This applied even to those who were fourth generation Pakeha. I never understood this hankering for a “home” half way around the world*” [11].

Таким образом, в картине мира пакеха образ Родины был тесно связан с далекой Британией, со страной на другом конце Земли, что отразилось на восприятии пакеха многих специфически новозеландских объектов и явлений как экзотичных и чужих. Отсюда же вытекает и стремление пакеха воссоздать в новых условиях подобие своей родины. Все большие города обрели наименования по британскому подобию, многие маорийские названия были упразднены и заменены: “*Tamaki-makau-rau became Auckland, Te Upoko-o-te-Ika became Port Nicholson and Wellington, Otakou became Dunedin*” [7, с. 192]. Данедин, например, являет-

ся шотландским названием Единбурга. Улицы в городах получили названия улиц британских городов. Любимым лакомством пакеха стало обычное в северной Англии блюдо рабочего класса *fish and chips*: “deep-fried battered fish and potato chips ... became New Zealand favourite takeaway ... according to Tony Simpson, it was long before the First World War” [4].

За короткое время Новая Зеландия обрела британское обличье и в некоторых отношениях стала более «британской», чем сама Британия: “New Zealand acquired a distinctly “British” character as the nineteenth century advanced. Indeed... the country became in some respect “more British” than Britain itself” [7, с. 175]. Это же подтверждает и заявление генерал-губернатора лорда Джеликоу в 1924 году: “New Zealanders ... claim to be even more British than their kin of the Motherland” [7, с. 366]. Долгое время Новая Зеландия была «оффшорной зоной сельского хозяйства» Британии “British offshore farm” [9, с. 118, 128]. Даже сегодня приоритетной страной для приобретения зарубежного опыта “OE – oversees experience” в Новой Зеландии считается Британия.

Среди ценностных ориентиров пакеха следует отдельно выделить доминанту европейской, белой расы. Дж. Ренфорд отмечает, что с самых ранних времен возникновения и функционирования термин *пакеха* обозначал белого человека «the term was used in New Zealand before 1815 to mean white person» [14]. В словаре современного новозеландского английского слово *пакеха* определено как “a non-Maori, especially a white” [17]. Таким образом, для концептуальной картины пакеха идея доминирования белой расы свойственна по определению. Это отразилось в политике Новой Зеландии в концепции *White New Zealand Policy*, создании в 1920 году организации *White New Zealand League*, заявлениях чиновников: “we keep out people belonging to coloured races, save to say that it is a question of ways of living and ideas” [9, с. 117]. Как показывает данный пример, с идеей белой расы тесно связаны типизированные представления об определенном стиле жизни и образе мышления.

Ценностные ориентиры «британство» и «белая раса» взаимосвязаны, ингерентно имплицитно друг друга и взятые вместе представляют оппозицию всему неевропейскому, привнесеному, прежде всего, из соседних регионов Океании и Азии. В языке это отражается в значительном количестве лексических единиц – прозвищ маори и представителей других этнических групп с стилистическими пометами *оскорбительное* и *сниженное*. Так, прозвищами

маори являются *goori*, возможно, от *kuri* – собака, которую полинезийцы привезли с собой при переселении на острова Новой Зеландии, *Hori*, – имитация маорийского произношения имени *George, Henare* – от *Henry, kumara cruncher*, где *kumara* – «маорийский сладкий картофель». Среди многочисленных оскорбительных прозвищ полинезийцев – *bunga, coconut*, китайцев – *chink, chinkie, banana*. Оппозиция пакеха – не европейцы проявляется и в современных массмедийных контекстах: “New Zealand used to be white Europeans, dairy farming, rugby and Sunday roast; in 40 years it could be more about taro, curry, Chinese noodles...” [12], где *taro, curry, Chinese noodles* – символы этнических групп. Данная оппозиция, укоренившаяся в картине мира пакеха, выражается и на государственном уровне в отношении к другим этническим группам: “The institutionalisation of Pakeha culture, despite official biculturalism, continues to disenfranchise and suppress Maori and non-European New Zealanders” [1, с. 35].

Следствием этой устойчивой оппозиции в концептуальной картине мира пакеха являются признаки ксенофобии: “The obverse side to this confidence in racial and cultural identity was a fear and dislike of nations and cultures that were not British. Such fear was at times xenophobic” [7, с. 367]. В следующем примере (из современной прессы) ксенофобия выразилась при помощи глагола *destabilize*, содержащего отрицательную коннотацию: “after a strong history of Britishness, national identity was now being destabilized by Maori and Pasifika” [12].

Таким образом, совокупность западноевропейских и британских ценностных доминант, выразившихся в восприятии себя как личности, своего происхождения, наследственности, исторических корней, родины неизбежно порождает осознанную оппозицию как между *пакеха* и *маори*, так и между пакеха и другими культурами (океанийскими и азиатскими, в первую очередь). Постоянное осознанное противопоставление себя маори и другим этническим группам являлось и остается характерной чертой концептуальной картины мира пакеха.

Третья группа ценностных ориентиров в концептуальной картине мира пакеха возникла из непосредственного взаимодействия с окружающей средой Новой Зеландии. Несмотря на богатый когнитивно-понятийный инвентарь, имевшийся в распоряжении европейцев, он все же не мог охватить всего разнообразия экосистемы Новой Зеландии и нового опыта переселенцев. Концептуальная картина мира пакеха оказалась открытой для вхождения как концептов, так и целых концептосфер, отражающих

исторические реалии освоения страны, а также уникальные объекты и явления флоры, фауны, ландшафта, маорийской культуры, которые теперь зафиксированы в любом словаре новозеландского английского. Процесс адаптации пакеха к новым условиям породил новые ценности, среди которых следует отметить три основных блока: *история освоения* как ценность (*settlement*), *экосистема* как ценность (*environment*) и *бикультурное общество* как ценность (*biculturalism*). Эти ценности стали основой уникального своеобразия концептуальной картины мира пакеха, которое отличает ее от других евроцентрических картин мира, в том числе и британской.

Так, ценность *история освоения страны* пронизывает весь последующий познавательный опыт пакеха *внутри страны*, а также накладывает отпечаток на восприятие *внешних* явлений. История, например, стала источником таких основополагающих для картины мира пакеха принципов, как изобретательность, умение быстро адаптироваться и обходиться тем, что есть, самодостаточность, мускулиность, эгалитаризм. В концептуальной картине мира пакеха появились новые концепты как воплощение новых жизненных ориентиров: *bach*, *No 8 wire*, *can-do attitude*, *male-alone ideal*.

Исторически неравномерные пропорции мужского и женского населения страны привели к преобладанию мужского, холостяцкого, простого и сурового образа жизни на берегу океана с насущной необходимостью все делать своими руками. Мускулиная культура как часть истории освоения страны отразилась в концептуальной картине мира пакеха. Символом мужской практичности является так называемая *проволока №8 (number eight wire, No. 8 wire)*. Согласно словарным определениям, *No. 8 wire* – это проволока сечением 4 мм, используемая для заграждений: “a smooth wire of 4 mm gauge used for fencing” [10]. Построение заграждений, особенно на фермах, стало в XIX веке насущной необходимостью. Образно описывая историческую значимость и универсальность проволоки, Р. Вулф и С. Барнет отмечают, что она могла скрепить между собой два главных острова Новой Зеландии: “It could be claimed that *these two islands* are held together by *No. 8 gauge fencing wire*” [23, с. 26]. Имея проволоку под рукой в больших количествах, люди научились делать из нее до сотни разных вещей (например, ручки для ведер) и использовать ее для ремонта: “Because *No 8 wire* was widely available, it was used for a variety of tasks” [8]; “this wire was used *inventively to build or repair machinery etc.*” [10]. Сегодня этот факт из исто-

рии освоения страны является эмблемой находчивости, изобретательные решения ассоциируются в сознании с проволокой № 8, а в языке выражаются такими сочетаниями, как *number eight solution* или *number eight philosophy*.

Другим примером изобретательности можно назвать холостяцкий дом из подручных материалов, часто из гофрированного железа, с очень простым интерьером, иногда с земляным полом и без удобств *bach*: “These buildings with split-paling walls and nikau-thatched roof would become their home for several years” [7, с. 230]. Тяжелая работа и суровая мужская этика были и остаются предметом гордости новозеландцев. Сегодня *bach* – просто домик на берегу моря для проведения выходных, образец такого домика помещен даже среди музейных экспонатов.

Еще одним следствием мужской культуры явилось приверженность игре регби: “*rugby was, along with drinking public pubs, one of the twin pillars of New Zealand male culture*” [7, с. 388]. Первоначально в регби играли простые фермеры. Чтобы представлять страну на соревнованиях, им приходилось брать выходные. В целом концептуальная картина мира пакеха складывалась в умах в основном *мужского населения британского происхождения, белой расы, протестантской веры, участвующих в войнах и играющих в регби*: “*the Protestant, Pākehā masculine national image (war and rugby)*” [15, с. 32].

С другой стороны, оглушительный успех новозеландской спортивной команды по регби *All Blacks* в 1905 году в Британии, в которой были игроки как пакеха, так и маори, способствовал формированию осознания некоторого превосходства пакеха над британцами: “Britons were great but New Zealanders promised to *expand their virtues in their Pacific paradise*” [9, с. 115]. В новозеландском английском в начале XX века (как и в австралийском) возникают оскорбительные прозвища британцев: *pot*, *Pommi (Pommy)*, *Pomeranian*. Возможно, происхождение этих лексем связано с рифмой *immigrant / pomegranate* или *Tommy*, прозвищем британского солдата [18]. Другое объяснение прозвища иммигрировавшего британца в Новой Зеландии и Австралии связывают с аббревиацией от *Prisoner of her Majesty (POM)*. Словарь новозеландского английского зафиксировал образ британца как *ленивого* и постоянно *жалующегося*: *whingeing Pom*. Выражения *Pommie-bashing*, *Pommy bastard* являются прямым оскорблением: “insulting the British aggressively” [17], возникает обозначение Британии как *Pommyland*: “Britain, especially England” [17]. Все эти языковые выражения свидетельствуют о формировании нового типа оппозиции в кар-

тине мира пакеха: *пакеха – британцы*. Желание создать «лучшую Британию» закрепило формирование новой оппозиции. Например, религиозный состав населения в Новой Зеландии был гораздо разнообразней, чем в Британии: “There was certainly far more mixing of ethnic and religious ingredients on the colonial frontier that there was at “Home” [7, с. 176], но и в этих условиях удалось достигнуть небывалой для Британии толерантности: “most divisive element within British communities at Home and abroad – the Protestant-Catholic split – was observed less in New Zealand than in Britain itself [7, с. 177].

Еще один фактор осознания своего превосходства над британцами состоял в признании уникальности экологической среды, охарактеризованной в одном из вышеприведенных примеров как *Pacific paradise*. Эта же идея отразилась в известном, хотя и неофициальном названии страны как избранной богом *God's own country (Godzone)*. В концептуальной картине мира пакеха возникает множество новых концептов, отражающих непередаваемую на английском языке флору, фауну и ландшафт страны, для обозначения которых заимствуются маорийские лексемы. Языковая толерантность к маорийским заимствованиям является следствием возрастающей концептуальной толерантности и ее гарантом на будущее. Некоторые пословицы и поговорки обретают новый вид, что свидетельствует об интеграции концептов новой экосистемы в картину мира пакеха. Например, идиома *to put the cat among the pigeons* в Новой Зеландии выглядит как *to put the cat among the kereru*, где *kereru* – исконно новозеландский вид голубя; *dead as a dodo – dead as a moa*, где *moa* – вымершая гигантская птица Новой Зеландии; *we are in the same boat – we are in the same waka*, где *waka* – маорийское каноэ. Все это свидетельствует о бикультурализме концептуальной картины мира пакеха: “*Pakeha culture continues to borrow and to learn from Maori. That was one of the features that made it different from its European cultures of origin*” [7, с. 519]. По мнению некоторых исследователей, современная картина мира пакеха претерпевает изменения, расовый сепаратизм пакеха – маори уступает место идее взаимодействия и сотрудничества: “those who embrace the word Pākehā are more likely to have or want *involvement and interaction with Māori*” [21, с. 159].

Таким образом, анализ сложения концептуальной картины пакеха показал, что она сформировалась как результат взаимодействия трех типов ценностных ориентиров: западноевропейских личностных ценностей, британских

принципов построения общества и государства и специфически новозеландских ценностей, возникших как естественное следствие освоения страны. Историческая комбинация ценностей вылилась в преобладание менталитета западноевропейского типа. Не указывая явно на этническую принадлежность, картина мира пакеха тем не менее содержит ценностный ориентир «британство», который является категорией, призванной установить разницу исторического происхождения между пакеха и маори. Возникновение новой ценности «британство» привело к формированию весьма специфического образа родины и определило характерные черты оппозиции пакеха – маори, пакеха – не европейцы, признаки ксенофобии по отношению к представителям Океании и Азии. Давление сразу двух вышестоящих уровней в иерархии ценностных ориентиров обеспечивает преемственность и устойчивость картины мира пакеха.

Однако уже сейчас в картине мира пакеха накоплено значительное количество признаков, которые создают кардинальные отличия от других евроцентрических картин мира. Картине мира пакеха свойственна противоречивость: специфически новозеландские ценностные ориентиры вступают в противоречие с ценностями британского типа, что проявилось в формировании оппозиции пакеха – британцы, а также и в признании бикультурализма как ценности. Ценность «ура-патриотизма» уходит в прошлое. Нестабильность картины мира пакеха связана с осознанием конфликта таких оппозиций, как пакеха – маори и пакеха – британцы. Это приводит к размышлению о том, что пакеха, с одной стороны, уже не европейцы, а с другой стороны, все же не являются (не хотят признать себя, или их не признают маори) коренным населением своей страны: “the indeterminate state of not being European and not being indigenous” [21, с. 154]. Все указанные выше типы оппозиций и специфическая комбинация ценностных ориентиров в целом придают картине мира пакеха уникальное своеобразие.

Список литературы

1. Barber K. Pākehā Ethnicity and Indigeneity: Social Analysis, vol. 43, Issue 2, 1999. P. 33–40.
2. Bergin H., Smith S. Land and Place: He Whenua, He Wāhi: Spiritualities from Aotearoa New Zealand. New Zealand, Auckland: Accent Publications, 2004. P. 201–216.
3. Eames F.M. Speed New Zealand's sons away. Hawke's Bay Herald: New Zealand Newspaper, Volume XXXV, Issue 11458, 13 February 1900. P. 4.

4. Favourite Kiwi Fare. Te Ara Encyclopedia Of New Zealand [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.teara.govt.nz/EarthSeaAnsSky/HarvestingTheSea/Seafood/2/en/> (дата обращения: 09.06.2008).
5. Jellie M. The Formation of Pākehā Identity in Relation to Te Reo Māori and Te Ao Māori: A thesis submitted for the Degree of Master of Arts. University of Canterbury 2001. 168 p.
6. Kernot B. Maori and Pakeha Worldviews and Spirituality. 09.07.2007. URL: <http://www.welcom.org.nz/?sid=564/> (дата обращения: 06.07.2008).
7. King M. The Penguin History of New Zealand. Auckland: Penguin Books, 2003. 570 p.
8. Kiwiana. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newzealand.com/travel/about-nz/culture/culture-kiwiana.cfm> (дата обращения: 22.05.2006).
9. McLauchlan G. A. Short History of New Zealand. Auckland: Penguin Books, 2004. 216 p.
10. New Zealand Oxford Dictionary / Т. Deverson, G. Kennedy. Melbourne: Oxford University Press, 2005. 1355 p.
11. Pakeha Identity: Becoming Kiwi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.geocities.com/atihanaj2/maoireview2000janfeb/page4.html?20084> (дата обращения: 04.06.2008).
12. Ponniah R. Future Kiwis will be cultural bitsters. New Zealand Herald: New Zealand daily newspaper. 26.09.2006. URL: <http://www.nzherald.co.nz> (дата обращения: 10.11.2006).
13. Pope D.B. A Call to Arms. Otago Witness: New Zealand Newspaper, Issue 2493, 1901, 25 Dec. P. 61.
14. Ranford J. 'Pakeha', its Origin and Meaning [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maorinews.com/writings/papers/other/pakeha.html> (дата обращения: 06.07.2008).
15. Ream R. Capturing the Kiwi Spirit: An exploration into the link between national identity, land and spirituality from Māori and Pākehā perspectives: A thesis submitted for the Degree of Master of Arts. University of Canterbury/Te Whare Wānanga o Waitaha 2009. 163 p.
16. Reed A.W. Taonga Tuku Iho: Illustrated Encyclopedia of Traditional Maori Life / A.W. Reed. Auckland: New Holland Publishers, 2002. 208 p.
17. Reed Dictionary of New Zealand English (The)/ The first Dictionary of New Zealand English and New Zealand Pronunciation // Third Revised Edition / Orsman H.W. Auckland: Reed Books, 2001. 1345 p.
18. Reed Dictionary of New Zealand Slang (The)//All New Edition / David McGill. Auckland: Reed Books, 2003. 239 p.
19. Reed Essential Maori Dictionary (The)/ Ross Calman & Margaret Sinclair. Auckland: Reed Books, 2003. 147 p.
20. Sharples P. Pakeha can learn from Maori about grieving. New Zealand Herald: New Zealand daily newspaper. 17.10.2006. URL: <http://www.nzherald.co.nz> (дата обращения: 27.10.2006).
21. Spoonley P., Pearson D., Macpherson, C. Ngā Take: Ethnic Relations and Racism in Aotearoa/New Zealand. New Zealand: Dunmore Press, Palmerston North. P. 154–170.
22. Williams Maori Dictionary / Williams H. New Zealand, Wellington: R.E. Owen, Government Printers, 6th edition, 1957. 499 p.
23. Wolfe R., Barnett S. Classic Kiwiana. Hong Kong: Condor Production, 2007. 64 p.

HISTORICAL AND CULTURAL FEATURES OF THE PAKEHA WORLDVIEW GENESIS IN NEW ZEALAND

O.V. Nikolaeva

The paper deals with the historical features of the Pakeha worldview genesis in New Zealand. Distinctive values in the Pakeha worldview are shown against the background of Maori values. The analysis is done on the basis of New Zealand English and the Polynesian language of Maori.

Keywords: worldview, group of values, Pakeha, Maori, New Zealand.